

Шичкин начинал готовиться к отъезду задолго до священной даты — первого августа. Приводил в порядок свои немногочисленные дела: он давно жил как рантье, унеся с безобразной оргии девяностых столько денег, сколько смог унести. Соображал, как бы чего не забыть в предотъездной суете, с любовью складывал в отведённое для этого кресло отутюженную одежду, разные вещицы, которые всегда брал с собой. Фотографию жены, давным-давно сделанную в Вене на Рождество, в узорчатом паспарту, красивую. На снимке жена улыбалась кому-то — надо полагать, фотографу, старому пивному австрияку со складчатым лицом мопса. Брал Шичкин оставшуюся от отца древнюю китайскую фигурку слоновой кости, неизвестно кого изображавшую, божка поднебесного, что ли. Отец говорил, что принадлежала фигурка звёздному молодому генералу, расстрелянному в сорок первом, когда немцы волной наплывали на Москву, походя выкашивая бритых ополченцев, вооружённых допотопными винтовками Мосина. Китайский раритет хотел при обыске прикарманить начальник, но папаша спёр фигурку прямо из его планшета, пока генерала уводили. Брал с собой Шичкин ещё несколько вещиц — перламутровый складной ножик из детства, дешёвое мамино колечко с бирюзой, рисунок дочки, изображавший крокодила, летящего между узорчатыми облаками вместе с двумя лунами — синей и зелёной. Дочка рисовала хорошо, и этот странный, вполне взрослый рисунок сделала, полистав альбом чокнутого художника Шагала; непонятно было только, почему луны разноцветные. А сам Шичкин не понимал, зачем таскает всё это в своё ежегодное путешествие.

Старый дом на огромном северном озере в Финляндии достался Шичкину случайно. Мог и не достаться. Папаша Шичкин дожил до глубокой, слюнявой старости, став перед смертью прямо невыносимым — неприятным, как жужжание осы, желчным, словно злая старуха в очереди и придирчивым, как красивая девка на выданье. Много лет отслужил он в НКВД, потом — в МВД, и, что странно, время ни разу не коснулось его лютыми своими изгибами, всё он избежал, всё превозмог. Везло, наверное. В финскую войну папаша обеспечивал агентурную

разведку, как надо обеспечивал, рассказывал, что целый год просидел в ледяных лесах, живя бок о бок с дикими чухонцами. Всё сложилось бы нормально для нас в этой маленькой войне, вышли бы гордыми победителями, если б не проклятый товарищ Сталин, да святится имя его. Не в лесу, конечно, но в Хельсинки скорешился папаша с одним финном; то ли агентом тот финн у него был, то ли сам папенька стучал иноземным разведкам — никто об этом никогда не узнает, и слава богу. Только стал тот финн много лет спустя важным чином и завещал вдруг папаше дом на далёком северном озере. Знать бы об этом не знали, но дошлые финны, чуткие к частной собственности, после наступления в России капитализма разыскали Шичкина, внезапно обретшего наследство, и вступил он в обладание означенной собственностью как полноправный и единственный бенефициар. Зону, где собственность располагалась, в целях сохранения первоначальной природы позже объявили совершенно закрытой, типа как у Стругацких, только без чертовщины. Туристы из тех мест исчезли навсегда, но Шичкину было разрешено проживание в своей собственности в любое время дня и ночи независимо от сезона.

* * *

Дом помнил себя ещё до рождения, когда, обтёсывая простыми топорами брёвна, рабочие с лохматыми, полными кремовой стружкой бородами и пронзительными глазами в глубоких глазницах, начинали его строить для богатого русского помора Бомбина, имеющего знаменитую на всю Европу торговлю лесом в большом и сплошь деревянном городе Архангельске. Рабочие не знали, зачем толстому, говорящему на странном языке и до страха жестокому человеку роскошный дом в такой глуши. Бомбин наезжал иногда, бил рабочих смертным боем, задыхаясь от резких движений и зверея глазами, потом отходил, расставлял столы и напивался до чёртиков вместе с рабочими, которых бил, братался и влажно целовался с ними в губы. После его отъезда неделю никто не работал, а Дом мог спокойно ощутить, осознать своё будущее рождение и грядущую значимость. Он не мог видеть, насколько красив, но иногда солнце падало особым образом на воду, и Дом слепыми пока окнами усматривал нечто на гладкой воде, справедливо полагая, что видит собственное отражение. Он был живой, этот Дом.

Когда его только начали красить и обихаживать, пьяный Бомбин утонул в ледяной Двине, гоняясь на мелководе за голыми девками. Прибыл новый хозяин, финн. Он никого не бил, не накрывал столы, только присматривал за всем, разговаривая с рабочими запросто. И когда приехала его семья, Дом ощутил себя вполне родившимся, взрослым и ответственным за хозяина Калеви, его жену с милым именем Синикка, их родителей, дочек, собаку, за всё многочисленное семейство. Дом прогибался перед ними лестницами, чтобы хозяева ненароком не упали, старался не скрипеть дверями, удерживал тепло печек, журил на своём

языке расшалившихся девчонок, а они, прислушиваясь к странным звукам, кричали: «Папа, дом сердится на нас!»

Потом семья куда-то исчезла. Дом оставался в одиночестве, приезжали только совершенно неизвестные странные люди в одинаковой серой одежде, в сапогах и с оружием. Дом видел оружие раньше и знал, что это такое. Однажды на берегу озера, в спокойный светлый и безветренный день, у кромки ледяной осенней воды эти самые странные люди выстроили длинную шеренгу голых по пояс мужчин и прошлись по ним хлёткими автоматными очередями. Мужчины, крича бабьими голосами, падали, разбивая в клочья зеркальное отражение неба и облаков в воде, а сама вода становилась красной, будто в ней отражался закат.

Дальше в жизни Дома наступило совсем непонятное время: каждый день навевались разные люди, они пили, занимались непотребством в красивых спальнях, а то и прямо на лестницах, калечили и раздевали Дом, увозя из него ковры, сдирая обои, с мясом вырывая из стен давно вставшие часы, били стёкла и ломали перила. Длилось это долго, но всякому несчастью приходит конец. Однажды, Дом не мог знать когда, поскольку не понимал, что такое время, приехал молодой и очень красивый человек со свитой. Он по-хозяйски прошёлся по Дому, отдал отрывистые приказания и исчез. Возвратились рабочие, они быстро и споро вылечили Дом, засиявший и повеселевший. Приехали ещё люди, которые снова одели Дом в ковры и шторы, заперли на глухие замки. Во флигеле поселился сторож. Дом любовался на своё отражение в озере и ждал, когда вернутся Калеви и Синикка. Но они не вернулись. Вместо них каждый год в августе стал приезжать странный человек, который или молчал, или разговаривал сам с собой, часто плача, смеясь и жестикулируя. Он одевался в разные чудные одежды и обязательно днём уходил куда-то. Впрочем, ночевать возвращался всегда.

* * *

Прелестный финский городок Нурмес был наполнен берёзами, они переливались через край, как переливается белая пена в кружке доброго пива. В городке имелись банк, магазины, маленькая рыночная площадь, где в свободное время развлечения ради жители за гроши продавали то, что стало в доме ненужным. Были они серьёзны, эти жители, но обожали петь караоке и ходить друг к другу в гости, иногда сплетничать — жизнь в Нурмесе бедна на развлечения. Немного веселили жителей два городских алкоголика, тихих и незлобливых. Их любили и берегли. С тех давних пор, когда исчезли туристы, в городе стало совсем спокойно, каждый делал своё маленькое дело и был вполне доволен жизнью.

* * *

Шичкин добрался до города под вечер, когда похолодало, запахло прелыми листьями, близкой осенью, и небо превратилось из мелкой синей лужи в вечер-

ний, глубокий, но еще беззвёздный и пустой океан. Шичкин приткнул машину у супермаркета, достал из багажника спортивную сумку, спустился к озеру и, миновав пляж, двинулся к Дому. Он никогда не приезжал туда на машине, хотя идти от города километров шесть.

«Завтра быть мне буддийским монахом, — подумал он. — Интересно, кто же придёт?»

Люди являлись Шичкину только после часовой прогулки по городу в дни ярмарок, происходивших в Нурмесе по пятницам. Как раз такой день предстоял завтра.

Шичкин вошёл в Дом, который довольно безразлично проскрипел ему половицами. Сразу двинулся в спальню, открыл сумку и бережно повесил на стену портрет жены. Поставил на полку китайскую фигурку, а рисунок дочери положил на стол. Переоделся в халат, улёгся на кровать. Стало зябко; он затопил камин, вернулся в постель. Незаметно задремал, а потом и уснул.

Утром проснулся рано, умылся холодной озёрной водой. Противно кричали чайки, туман слоями стелился над озером, отчего казалось, что дальние островки парят в воздухе, совершенно не соприкасаясь с металлической гладью воды и не отражаясь в ней. Дом был заперт в пространстве между лесом и почти идеальным полукругом бухты, которая слева и справа обрывалась в воду нагромождениями камней. Некоторые камни были ярко красными, будто залитыми кровью. Этого, конечно, не могло быть, но Шичкин заинтересовался и нашёл в книге, что это такой вот странный лишайник живёт на поверхности мёртвых камней. Невысокие берёзы и сосны росли из углублений и трещин в граните, где скопилось хоть сколько-нибудь почвы. Если смотреть с озера, особенно в сумерки, в тот краткий момент перед закатом, когда всё становится лишь тенями, картина представлялась исполненной покоя, и время окукливалось, будто умирало, дыша почти неслышно. Правильное, падающее в воду покатыми камнями полукружие бухты. Посередине — Дом, с небольшой центральной частью, лестницей и двумя протяженными крыльями. Нечёткие иглы улетающих вверх низких северных сосен. Если смотреть внимательно, проникнуться, можно было разглядеть в пейзаже холодную, отрешённую, колючую гармонию. Но Шичкин не знал, что такое гармония.

Он вернулся в Дом, бережно достал из сумки буддийскую оранжевую одежду, сандалии — всё это он привёз в прошлом году из Таиланда. Быстро надел на голое тело, как полагается. Духами «Angel» от Terry Mugler протёр гладко выбритый череп: запах от Mugler, считал Шичкин, привлекает не только ангелов и серафимов, но и демонов, а уж люди в последние годы слетались на этот аромат как воробьи на пшённую кашу. Глянул на своё отражение в зеркале, остался доволен: на него смотрел вполне приличный буддийский монах, способный запросто, не привлекая внимания пройти и по сингапурской Orchard road.

... космический стражник ...

«Видел бы меня Бомбин», — подумал Шичкин. С отцом-основателем Дома он успел за несколько лет подружиться. Купец любил путешествовать, но в Сиаме наверняка не бывал.

День начинался удачно.

Шичкин вышел из Дома, тщательно заперев дверь: он знал, что это просто необходимо делать, иначе те, кого он ждёт, не придут, или придут, но останутся грустны и молчаливы. Прошёл лесом, обогнул пляж и почти сразу выбрался на центральную улицу Нурмеса. Навстречу стали попадаться люди, которые с удивлением и некоторой опаской смотрели на настоящего буддийского монаха, идущего по улице северного финского города. Смотрели, быстро отводя глаза, чтобы не показаться нескромными. Полиции в Нурмесе не водилось, во всяком случае, Шичкин никогда её не замечал. Но на этот раз полицейский, огромный как скала, вырос перед ним в один момент и спросил что-то по-фински.

— English only — сказал Шичкин.

— What are you doing here?

— Just walking ¹, — честно ответил Шичкин.

Полицейский критически осмотрел фигуру буддийского монаха, хотел что-то сказать, но махнул рукой и посторонился. Шичкин, размахивая котомкой, пошёл по тротуару. Его раздражало чувство восхищения собой и собственной значимости, случавшееся, если честно, лишь раз в году, здесь, в забытом богом Нурмесе и только в дни счастливого месяца августа.

Примерно час гулял он по Нурмесу, снова и снова наливаясь гордостью, ловя на себе удивлённые, испуганные, заинтересованные, а то и восхищённые взгляды. Прошвырнулся по ярмарке, пугая старушек в голубоватых кудряшках, попытался хором спеть караоке, но в какое-то мгновение понял, что пора: его ждут. Быстро пошёл назад.

Он знал, что должен делать. Задёрнул портьеры в гостиную и, не снимая оранжевого наряда, сразу сел к столу. Зажёл свечку и стал пристально всматриваться в нишу, где раньше стоял большой бюст старика Бомбина, чуть ли не врубелевской работы. Потом бюст куда-то пропал. Вещи из Дома исчезали часто, хотя иногда появлялись и новые, диковинные. Бог знает, откуда появлялись.

Мрак в нише сгустился и обрёл очертания фигуры отца. Он был в своей любимой полосатой пижаме и феске, привезённой когда-то из Средней Азии. Феску никогда не снимал. В ней и умер.

— Чего вырядился? — проскрипел отец. — Лет уж сколько, а всё бражничайешь. Шпана...

---

¹ — Только по-английски.

— Что вы здесь делаете?

— Просто гуляю.

Шичкин хотел ответить, но промолчал. Что-то происходило не так, отец во всех своих предыдущих явлениях никогда не был груб с ним, однажды даже погладил по волосам, и это прикосновение — Шичкин хорошо помнил — прошло по всему телу скользкой холодной волной, завершившейся неприятной колющей щекоткой в пальцах ног.

— Что молчишь? — снова закрипел голос. — Возьму и не приду к тебе больше. Знаю, не меня ты ждешь, Валентину свою. Искупить хочешь, а не получаешься, — он противно хихикнул. — Люди много чего не прощают, вот и не приходит она к тебе. Мне-то всё простилось, потому что я в жизни по правилам действовал. А ты, стервец, действовал как бог на душу положит, не по правилам. В силе был — воротил что хотел. А *щас* вон кривляешься, как обезьяна. Сволочь ты, сынишка...

Фигура отца медленно растаяла.

Оторопев, Шичкин стал наблюдать, что будет дальше. А дальше случилось то, чего он никак ожидать не мог. В сумраке ниши произошла странная возня, сотрясение мрака, что ли. На секунду мелькнуло лицо дочери, фигуры каких-то полузабытых или совсем уж выпавших из памяти людей, вспыхнула искрой и приветливо махнула рукой мать. Наконец, из трясущегося, словно черничное бурое желе мрака, выплыла фигура совершенно неизвестная, но в то же время... знакомая. Пару минут переливалась, оставаясь частью мрака, потом заполучила очертания и стала живым человеком. Силясь понять, кто это, Шичкин приподнялся со стула. И понял вдруг, до дрожи, до почти потери рассудка, до жёсткого кома под сердцем, а может, в желудке, что это он сам. Молодой, лет тридцати, каким он был как раз в те времена, когда получил первые свои огромные и шальные деньги, когда перестал быть серым и незаметным кандидатом наук, превратившись в господина Шичкина, известного в Европе как месье Этьен, но которого чаще называли отцом Жозефом.

— Ну, здравствуй, — сказал молодой Шичкин. — Не ожидал?

— Н-е-е-т... — скрыть испуг Шичкин-старый не смог. — Так не бывает...

— Хе, а то, что с тобой происходит каждый год, бывает? Доигрался... Но я не спорить пришёл. Скажи, ты давно о смерти думал? Или всё на фетиши свои любуешься? Вот уж никогда понять этого не мог, — Шичкин-молодой возмущённо хмыкнул.

— А чего это я должен думать? — внезапно разозлился Шичкин-старый. — Ты должен был думать. Я теперь просто живу.

— Да, — раздумчиво произнёс Шичкин-молодой. — Просто... Всё не просто. Времена, как и люди, связаны одной сетью паучьей, сидят в ней пауки, порождение наше, и наблюдают суетню людишек, дёргая за нити паутины, если что не так. Эпохи они меняют, чего уж о нас, смертных, говорить. Поэтому и случаются встречи как сейчас. Говорю ж, доигрался ты.

— Так и ты доигрался. Мы ведь одно и то же.

— Нет, дорогой, совсем не одно и то же. Нас двое, и мы разные. Я буду дальше проживать твою жизнь, а вот ты...

— Что — я, ну что я, козёл ты немаканный?! — заорал Шичкин, потеряв терпение и ошалев от страха.

— А вот ты, — голос молодого Шичкина вдруг стал вкрадчивым и скользко-нежным, — ты сейчас выйдешь на улицу и пойдёшь к берегу. Посмотри.

Он откинул тяжёлую портьеру и Шичкин-старый, уже не просто старый, а вдруг одряхлевший в секунду, понял, что почему-то наступила ранняя весна. Сумерки сгущались, и, содрогнувшись, он увидел на берегу цепочку стоящих у кромки воды голых по пояс мужчин. Лицом к ним расположились человек десять военных в незнакомой форме, вооружённых автоматами.

— Тебе туда... — тихо сказал молодой Шичкин. — Иди...

Тело Шичкина налилось слабостью, мысли исчезли, воля скукожилась в мягкий маленький комок, и он пошёл. Встал в цепочку, подвинул плечами соседей и сбросил свой нелепый оранжевый наряд, оставшись совсем голым. Причинное место прикрыл руками. Страшно не было, холодно только. Осознание нереальности отсутствовало.

Автоматные очереди трескуче порвали тишину, шум падающих в воду тел и крики ещё некоторое время нарушали покой холодного озера и прекрасного Дома, потом всё вернулось к своей первозданности. Она и есть начало...

* * *

Тело Шичкина нашли на берегу через двое суток случайно. В полиции было заведено дело, но вскоре закрыто и передано в российское консульство, поскольку патологоанатомы зафиксировали смерть от тромбоза. Тело не востребовали, оно долго оставалось в морге, потом было переправлено в Россию и захоронено на казенный кошт на московском окраинном кладбище. На похоронах не присутствовал ни один человек. Родственников, друзей или просто знакомых не нашлось.

Дом же стоял ещё много лет, дивясь странности мира. Потом, отцы города постановили, что всякое проживание в заповедной зоне должно быть запрещено. Дом сломали. Теперь там нет ничего. Кроме молодого, невысокого леса. И новой первозданности...

... НА ТЕХ
И ТЕХ

ЭТИХ —

ЭТАЖАХ:

ГДЕ БЁДРА МОЖЖЕВЕЛЬНИКА УПРЯМЫ
И ЗВЕРИ ОБРЕТАЮТ ТИШИНУ...

... И ТОЛЬКО ИМЕНА НА ГЛАДИ ТОЙ... —

НА ТОМ ПРОСТОМ... —

НА ДЫМКЕ... —

ДО РАССВЕТА...